

УДК: 111+165

DOI: 10.15372/PS20250309

EDN: OCLZXX

А.С. Краснов, Д.Л. Федотов**ПОНЯТИЕ КАК ГОРИЗОНТ: Г.В.Ф. ГЕГЕЛЬ
И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАУЧНОСТИ**

В статье предпринята попытка философской реконструкции научности как категории, исходя из спекулятивно-диалектической системы Г.В.Ф. Гегеля. Противопоставляя редукционистский и рассудочный подход к научному знанию, автор акцентирует внимание на необходимости включения научного дискурса в сферу разума (Vernunft), выраженного в понятийной необходимости. Особое внимание уделяется «Науке логики» как фундаменту гегелевской онтологии и гносеологии, а также критике эмпиризма, позитивизма и формальной логики как недостаточных оснований научности. Обосновывается актуальность гегелевского подхода в контексте современного кризиса фрагментированного знания и редукционистских стратегий в науке.

Ключевые слова: Гегель; диалектика; понятие; Vernunft; Verstand; спекулятивное мышление; метафизика

A.S. Krasnov, D.L. Fedotov**THE CONCEPT AS A HORIZON: G.W.F. HEGEL
AND THE FUNDAMENTAL FOUNDATIONS OF SCIENCE**

The article attempts to reconstruct philosophically scientificity as a category based on the speculative-dialectical system of G.W.F. Hegel. Contrasting reductionist and rational approaches to scientific knowledge, the author focuses on the need to include scientific discourse in the sphere of reason (Vernunft), expressed in conceptual necessity. Particular attention is paid to the “Science of Logic” as the foundation of Hegel’s ontology and epistemology, as well as to the criticism of empiricism, positivism and formal logic as insufficient foun-

dations for scientificity. The relevance of Hegel's approach is substantiated in the context of the modern crisis of fragmented knowledge and reductionist strategies in science.

Keywords: Hegel; dialectics; concept; Vernunft; Verstand; speculative thinking; metaphysics

Фигура Георга Вильгельма Фридриха Гегеля достаточно редко возникает в современных дискуссиях о философии науки и техники. И его имя можно редко услышать в одном ряду с логическими позитивистами К. Поппером, И. Лакатосом, Т. Куном, П. Фейерабендом. На первый взгляд само обращение к Гегелю кажется парадоксальным, поскольку его спекулятивная система, с главенствующей ролью Абсолютного Духа и последовательной критикой рассудочного естествознания (его эпохи), безусловно далеки от проблематики критериев демаркации, верификации и логики исследовательских проектов. Но «большое видится на расстоянии» и алогичность этого шага иллюзорна: в радикальной переформулировке фундаментальных оснований развития и функционирования научного познания кроется огромный потенциал гегелевской метафизики для современного осмысления феномена науки. Гегель не рассуждал и не констатировал то, что «есть», но создал фундаментальную философию научности, где наука не обмирщена скобками эмпирических фактов и верифицируемых результатов, но есть ступень развития Vernunft (разума) через Begriff (понятие). Нашей целью не является попытка историко-философской реконструкции взглядов и представлений Гегеля на отдельные науки, цель – разработка спекулятивно-диалектического метода как эпистемологического начала верификации научности познания. Гегелевская критика науки, построенной на Vernunft, является не её отрицанием, а требованием философского рассмотрения и углубления до уровня спекулятивного мышления, в котором нивелируется эпистемический разрыв между субъектом и объектом познания, формой и её конкретным содержанием, где истина представлена как живой саморазвивающийся процесс.

Гегелю выпала возможность прожить жизнь в эпоху триумфа ньютоновской физики и формирования фундамента современной науки. Но само его отношение к абсолютизации научной методологии оставалось глубоко критическим, поскольку в самом научном

методе воплощался *Verstand* (рассудок) – способность мышления строго оперировать определениями и понятиями, основанными на стагиритовой формальной логике тождества и различия. Согласно Гегелю, наука, основанная на *Verstand*, характеризуется прежде всего эмпиризмом и непосредственностью – она исходит из чувственно-воспринимаемого данного как абсолютной и непосредственной достоверности: «...знание, как оно выступает в начале, или непосредственный дух, есть то, что лишено духа, чувственное сознание» [5, с. 20]. Ядром критики Гегеля является то, что само «исходное» полагается, как нечто «данное», но не «выведенное» разумом, что онтологически лишает такое познание систематичности и достоверности. Эмпирическое основание сковано единичным и случайным, но они не способны выразить всеобщую необходимость. Анализ и абстрагирование как основной метод (секуляризирование целого на части и выделение отдельных свойств как суммативной совокупности отдельных признаков) также не устраивает Гегеля. Согласно ему: «...человек есть чистое мышление самого себя, и, лишь мысля, человек есть эта сила, эта способность сообщить себе всеобщность, то есть погасить всякую особенность, всякую определенность» [2, с. 71]. Для Гегеля всеобщность может быть только формальной и внешней в отношении всей палитры конкретного содержания. Полагаемая всеобщая формальность и универсальные законы, например, законы природы, отражённые в механике, являются, согласно Гегелю, лишь демонстрацией количественных соотношений, находящихся своё выражение в универсальном языке математических формул. Закон способен лишь констатировать регулярное событие, но не способен раскрыть содержание «необходимости» и «сущности» феномена. Для спекулятивной философии он являет собой «описательное», но не «объяснительное». Стремление науки времён Гегеля редуцировать абсолютно всё сущее во всём его многообразии, явления природы и духа к механистическим принципам, согласно его философии, есть демонстрация скудности мышления, в основание которого положен *Vernunft*. Такой тип мышления применяет к объекту категории, заимствованные лишь из одной области знания, которые для самого объекта всегда «внешний», что порождает феномен «внешней рефлексии», которая выхолащивает имманентное абстрактными схемами: «Механизм как первая форма объективности есть также та категория,

которая раньше всего представляется рефлексии при рассмотрении предметного мира и дальше которой она очень часто не идет» [6, с. 385]. Вектор гегелевской критики никогда не был направлен на саму науку, более всего философа не устраивало имманентное «само-понимание» самой науки, из которого рождалась претензия на единственную объективную форму познания, которая не нуждалась более в зеркале философской рефлексии. Наука, выстроенная на Vernunft, согласно Гегелю, сама выстраивает своё узилище и тонет в антиномиях, она не в силах их разрешить собственными методами. Но наличие противоречий – не критерий ошибочности, а маркер, который указывает на ограниченность такого подхода: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия – критерий заблуждения» [3, с. 18]. И если наука впадает в антиномии в пределах рассудочного опыта, то это прямое указание для неё перейти на более высокий уровень рефлексии. Истинная наука, согласно Гегелю, возможна в реализации проекта «спекулятивного знания», который осуществляется инструментарием разума, но не рассудка. Исходя из гегелевского учения, можно заметить, что истинная наука не может быть простым собранием разрозненных эмпирических фактов или абстрактных истин, выраженных в математическом модусе, она должна быть органически единым целым: «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система её» [6, с. 10]. «Когда наука образует систему, тогда преобладает синтез или, так сказать, научное конструирование, которое ... должно быть не произвольным, а обоснованным...» [6, с. 31] или истинным знанием, когда оно движется в стихии какого-либо строя, имеет своей целью и содержанием необходимость понятия и доказывает предмет и его развитие посредством этого его собственного движения. Для Гегеля сердцем спекулятивного метода познания является диалектика как имманентный процесс саморазвития и раскрытия понятия. Существует три основных момента движения диалектического метода: рассудочный (тезис), в котором обнаруживается момент фиксации некоторого определения в его изоляции и положительности; отрицательно-разумный (антитезис), в котором является внутреннее противоречие, ведущее к его дальнейшему отрицанию; спекулятивный (синтез), в котором возможно раскрытие подлинного единства проти-

воположностей на уровне разума, «схватывание» положительного содержания предшествующих моментов бытия в «снятом» состоянии, где достигается сохранение и преодоление «...как постоянное снятие самого себя и как переход в свою противоположность» [6, с. 213]. Именно этот процесс и является саморазвитием имманентного содержания, достигнутого движением внутренних противоречий.

Ключевым онтологическим и эпистемологическим моментом гегелевской метафизики является тождество бытия и мышления в Абсолютной Идее. Понятие не является пустой субъективно ориентированной абстракцией человеческого мышления, напротив, оно представляет собой объективную сущность, подлинную субстанцию вещей, она сама является субъектом своего собственного развития, нужно понять абсолютное не только как субстанцию, но равным образом «как субъект» [5, с. 17]. Процесс научного познания отождествляется Гегелем с актом «самоузнавания» разумом себя в инобытии: природе, историческом движении, в процессе мышления. Отсюда и формируется ключевая задача науки – постижение внутренней разумной необходимости феноменов, их «понятие»: «понятие есть принцип всякой жизни и есть, следовательно, вместе с тем всецело конкретное. Это является выводом из всего проделанного до сих пор логического движения ... понятие содержит в самом себе как снятые все прежние определения мышления. Конечно, понятие следует рассматривать как форму, но как бесконечную, творческую форму, которая заключает в самой себе всю полноту всякого содержания и служит вместе с тем его источником» [6, с. 341]. Поэтому для Гегеля истинной формой научного познания является спекулятивное мышление, в котором «сняты» рассудочные антиномии, оно эксплицирует истину как Идею, единство понятия и объективности: «идея есть середина; она есть абсолютная субстанция как духа, так и природы, всеобщее, все проникающее собой» [6, с. 373]. Цель науки можно считать объективно достигнутой, когда само мышление способно воспроизвести объект в его понятийной необходимости как определённую ступень Абсолютной Идеи. Несмотря на кажущийся мистицизм Гегеля, в котором его упрекали многие, включая марксистов, это предельный диалектико-логический процесс: спекулятивное состоит единственно в схватывании противоположных «моментов в их единстве» [6, с. 403].

Говоря о критике Гегеля со стороны как философов, так и представителей естественнонаучного толка, нельзя не упомянуть о самом критикуемом сегменте наследия немецкого мыслителя – «Философии природы», второй части «Энциклопедии философских наук». Важный аспект здесь усматривается в том, что сам Гегель не претендовал на роль естествоиспытателя, его главной целью являлась попытка осмысления объективной природы как инобытия Абсолютной Идеи. Для Гегеля природа есть идея «в форме инобытия» [6, с. 245], она есть форма существования понятия в латентном виде, оно растворено в объектах природного бытия. Как и многое, Гегель строго иерархизировал своё учение о природе согласно самораскрытию Абсолютной Идеи. Первой ступенью является механика, в которой обнаруживается тотальное господство внешней строгой детерминации: пространство, материя, время, движение и т. д. Это есть формы существования понятия, но в наиболее минималистичной, фрагментарной форме. Второй ступенью является физика, в которую включаются физические элементы, небесные тела, звук, тепло, магнетизм и т.д. Эта ступень важна для Гегеля тем, что именно на ней начинают проявляться специфические имманентные свойства внутренних различий и переходов из одного состояния в другое: «тела сохраняются только в их соединении, и, отделенные друг от друга, они перестают существовать как таковые» [6, с. 292]. Третья ступень – органическая физика, в которую включены живая природа и геология. Согласно Гегелю, на данной ступени понятие достигает высшей точки развития в природе, поскольку любой живой организм есть самоцель, как воплощение целостности: «Непосредственно живое опосредствует себя с самим собой в процессе рода и таким образом поднимается над своей непосредственностью, но поднимается лишь для того, чтобы все снова и снова падать назад в последнюю» [6, с. 408]. В этой части гегелевского наследия весьма трудно спорить с критиками, поскольку здесь изобилуют грубые фактические ошибки. Но сама суть учения не страдает, ведь она кроется не в строгости и точности фактического изложения положений естественных наук, а в попытке упорядочивания в рамках диалектической логики, категориальных структур, которые имманентны научному познанию. Гегель пытался, пусть не совсем удачно, но всё же продемонстрировать каким образом кажущиеся разрозненными формы природного бытия *предполагают* друг

друга в логическом аспекте, формируя последовательное восхождение от строгой механики к конкретной жизни. Именно в ней понятие наиболее полно реализует себя. Философия природы Гегеля больше всего напоминает «заметки на полях» великой метафизической системы, в которых он попытался выстроить логическую структуру природного порядка, осознать его разумность и внутреннюю взаимозависимость. Это не является телеологией в том смысле, который подразумевают критики Гегеля, наоборот, он показывает имманентную необходимость, самокаузальность живого существа, что по сей день остаётся онтологической проблемой.

Самый важный и главный труд Гегеля, компендиум диалектики – «Наука логики», которая являет собой фундаментальную онтологию и гносеологию. В ней последовательно излагаются ступени саморазвития категорий как самых чистых определений мышления от их зарождения до конкретности в Абсолютной Идее. Для Гегеля логика – это «...изображение бога, каков он есть в своей вечной сущности до сотворения природы и какого бы то ни было конечного духа» [6, с. 25]. Иными словами, логика есть наука об Идее в её кристальной форме, наука о мышлении, постигающим себя. Сама внутренняя структура «Науки логики» выстроена Гегелем согласно диалектическому движению понятия. Начальная ступень – «Учение о Бытии» – показывает, как предельные категории (бытие, ничто, становление, качество, количество, мера) выступают в своей непосредственной данности. Но истина здесь едва уловима, она неустойчива, поскольку категории постоянно переходят друг в друга как в «своё-иное», например, мера является «снятым» качеством и количеством, но в то же время она есть диалектический переход к феномену сущности. Следующей ступенью является «Учение о сущности», которое Гегель артикулирует как сферу Schein (видимости), опосредования и рефлексии. Все категории здесь находятся в антагонизме друг к другу, предполагая свою противоположность (сущность и явление, тождество и различие, основание и обоснование, вещь и свойства). Это ступень рассудочной рефлексии в её высшей форме. Сама рефлексия «фиксирует» наличие онтологически необходимых связей, но с сохранением имманентного различия между сущностью как внутренним содержанием и явлением как внешней формой. Финал раскрывается в «Учении о понятии», которое для Гегеля есть выражение

тотальной объективности во всей её полноте. Понятие артикулируется как конкретная всеобщность, в которой имманентно «сняты» все противоположности бытия: в субъективности (Понятие как таковое, суждение, умозаключение); в объективности (механизм, химизм, телеология); в идее (жизнь, познание, Абсолютная Идея). Само человеческое мышление здесь способно познать тождество объективного и субъективного, понятие «выступает как определенная в себе и для себя и не обусловленная внешней проявленностью целокупности» [4, с. 183]. Предел саморазвития логики усматривается Гегелем в Абсолютной Идее, которая являет собой диалектическое единство понятия и подлежащей ему реальности.

Уникальность и незаменимость «Науки логики» Гегеля для философии науки достаточно сложно переоценить. В её фундаментальном основании заложена категориальная структура реальности (причина, следствие, закон, необходимость, взаимодействие). Категории не являются простыми умозрительными формами индивидного мышления, поскольку эксплицированы Гегелем как объективные формы бытия, которые возможно постичь в мышлении. Каждая наука имплицитно содержит в себе этот категориальный аппарат, но не занимается рефлексией самих категорий. В «Науке логики» Гегель устанавливает критерии истины и научности: истина – это адекватность понятия предмету, но постигаемая только в Идее; научность определяется глубокой систематичностью, необходимостью – установлением имманентной связи определений, а не внешними дедуктивными спекуляциями, и конкретностью – то есть всесторонним анализом, который учитывает все моменты развития и внутренние взаимосвязи. «Истинное есть целое» [5, с. 16], – говорит Гегель, подчёркивая, что ни одно узконаправленное знание, сколь глубоким и верифицируемым оно ни было, не может претендовать на научную истинность. «Метод есть поэтому душа и субстанция, и нечто постигнуто в понятии и познано в своей истине лишь тогда, когда оно полностью подчинено методу» [4, с. 291] – таковым методом является диалектика как матрица имманентного развития всякого содержания. Диалектика лишена как догматического вектора, фиксации абстракций как высшей истины, так и скептицизма, отрицающего саму возможность постижения истины.

Изолированность гегелевской мысли от мейнстрима философии науки, её историческая дистанцированность не сказываются на актуальности для современности. Спекулятивный реализм Гегеля, существовавший задолго до Г. Харманна и К. Мейясу, есть признание объективного статуса категориальной структуры бытия, которая постигается мышлением и может являться серьёзной альтернативой наивному реализму и конструктивизму. Понятие не отражает мир, оно само зеркало, в котором отражается разумное начало бытия. Сам идеализм Гегеля: «...есть тезис о том, что структуры авторитета и обоснования (в познании и действии) не являются навязанными извне природе, но являются структурами самой природы, постигаемыми в мысли» [10, с. 53], что априорно снимает проблему корреспондентности в её классической форме. Диалектика, более всего акцентуированная на целостности, поиске взаимосвязей и переходов количественных изменений в качественные, представляет собой серьёзный инструментарий для критики редукционизма, который низводит сложные системные феномены к простейшим начальным единицам. Ярче всего редукционизм проявляется в социальных науках, психологии и биологии. Учение Гегеля об организме как о самоцельном феномене, появилось задолго до системного подхода и идеи эмерджентности, которые лишь неявно, но скопировали гегелевскую мысль, что целое не есть абстрактное единство, «а единство различного» [6, с. 13]. Согласно современным исследованиям дискуссионное поле о холизме, сложности, эмерджентности неожиданно в унисон звучит с гегелевской диалектикой [11, с. 145–168]. Гегель никогда не пытался разработать социологию науки, что позднее сделал Т. Кун, однако концептуальное поле диалектики развития как имманентного процесса, в котором «снимаются» противоположности, уже содержит в себе философскую рефлексию феномена познания в исторической (развивающейся) перспективе. В данной оптике перед нами предстаёт не простая смена научных парадигм, а живой диалектический процесс, где каждое новое знание, формирующее аспекты картины мира, является «снятием»: новое знание преодолевает прежнее, сохраняя его на более высоком уровне. О плодотворности гегелевского подхода в сравнении с социологией Т. Куна говорит работа Ф. Бренцио [8]. Строгое требование Гегеля – наука должна быть системой, в которой все отрасли и части исходят из единого основания, звучит

предельно современно, поскольку наша эпоха переживает экспоненциальный рост микроспециализаций, что невольно фрагментирует знание, превращая его в аморфные осколки единого целого. В.С. Библер, анализируя идею Гегеля о «конкретном всеобщем», напрямую говорит о том, что это объединяющее начало для множества частно-научных определений, которое может явиться философской путеводной нитью для интеграции дисциплин в единый вектор [1]. Гегель не мог обойти своим вниманием эмпирическую и формальную науку, подвергая её критике, указывая на ограниченность и разрозненность подобных форм существования знания. Сегодня его критика может служить серьёзным аргументом против позитивизма, редуцирующего науку до технического контроля, статистических предсказаний и процедурного операционизма. Позитивистское обмирщение науки в конечном счёте оборачивается утратой постижения смысла и сущности. Гегель всегда противостоял попыткам инструменталистского подхода к научным истинам: «...истина не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде» [5, с. 25]. В современном мире фундаментальные основания наук подвергаются радикальному сомнению: в физике это квантовая гравитация и квантовая механика, в биологии – вопрос о природе сознания, в гуманитарных и социальных науках – вопрос о статусе теории. В такой ситуации проект философии как фундаментального основания и главного связующего звена между всеми областями знания кажется естественным и логичным. Философия, особенно в её классической форме, способна подарить единство и смысл всякому познанию, поскольку философская рефлексия научных импликаций становится насущной проблемой [9; 7].

Гегелю в рамках собственной системы удалось создать серьёзную и уникальную метафизику науки, над которой время оказалось не властно. Гордиевым узлом его наследия является саморазвитие понятия, которое постигает собственную адекватность бытию в процессе диалектического развития. Критика науки, основанной на рассудке, оказалась не критикой науки как таковой, а требованием включения её успехов и достижений в более универсальный контекст спекулятивного мышления, в котором она могла обрести свою истину и предназначение. Гегелю невероятным образом удалось органически синтезировать фундаментальную онтологию, логику и эпистемоло-

гию: структуры мышления являются сутью структуры бытия, а истина — не математическая догма, а процесс самопознания. Главная актуальность Гегеля не может быть сведена в буквальном «принятии» и догматизации его метафизики. Она раскрывается в том, что Гегель бросает вызов воцарившемуся позитивизму, будто говоря нам сегодня, что эмпирическая база и формальная логика безусловно важны, но они не могут быть фундаментальными основаниями истинного познания. Это вызов и самой философии, напоминание ей о её истинной роли, это требование не просто анализировать и констатировать состояние современной науки, а вооружиться и имплицировать научные факты и открытия. Это вызов любому философу — научиться мыслить диалектически, дабы превозмочь и пережить эпоху фрагментации когнитивного капитализма. «Истина — не в принципе абсолютного тождества или абсолютного различия, истина — в их единстве» [3, с. 18]. И нужно помнить, что для Гегеля наука была единственным путём Разума к самому себе.

Резюмируя, актуальность гегелевской философии для понимания научного знания заключается не в буквальном заимствовании её категориального аппарата, но в восстановлении самого горизонта мышления, в пределах которого возможно постижение науки как саморазвивающегося рационального целого. Спекулятивный метод Гегеля, артикулирующий истину не как статическую данность, но как процесс саморазвертывания понятия, открывает перспективу радикального переосмысления научности: от верифицируемой эмпирики к внутренне необходимой системности.

Диалектический путь понятия — это не абстрактный логизм, но способ мысли, способный удерживать противоречия в их имманентной взаимосвязи, раскрывая истину как тождество бытия и мышления. Наука, если она стремится к истине, не может быть редуцирована к операционализму, статистике или технической рациональности. Напротив, её подлинный смысл раскрывается в свете разумной необходимости, где каждое знание не только отвечает на вопрос «как», но и поднимается к вопросу «почему».

В этом смысле возвращение к Гегелю не ретроспективный жест, а философская задача современности: преодоление фрагментарности знания, возведение эмпирического содержания к понятийному осмыслению и восстановление спекулятивного измерения науки. Только

мысль, способная постичь необходимость и целостность, способна удержать истину, и только такая наука может быть наукой в подлинном, гегелевском смысле.

Литература

1. Библер В.С. Философия. Наука. Культура (К 200-летию «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля) / В. С. Библер // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 43–56.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в двух томах. Том 1 / Под ред. А.В. Гулыги – Москва: Мысль, 1970.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 3: Учение о понятии (1816) / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. Б.Г. Столпнера. М.: Мысль, 1972. 371 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Г. Шпета; отв. ред. и примечания М.Ф. Быковой. М.: Наука, 2000. 495 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1: Наука логики / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. Б. Г. Столпнера. М.: Мысль, 1974. 452 с.
7. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека / И.А. Ильин. Спб.: Наука, 1994. 541 с.
8. Heiningen P. Paradigmenwechsel und Dialektik: Zur Rekonstruktion des Verhältnisses von Thomas S. Kuhn und Hegel / P. Heiningen // Hegel-Jahrbuch, 2017. H. 1. Ss. 311–316.
9. Houlgate S. Hegel and the Philosophy of Nature / S. Houlgate // The Bloomsbury Companion to Hegel / Ed. by A. de Laurentiis, J. Edwards. London: Bloomsbury Academic, 2013. Pp. 97–111.
10. Pippin R.B. Hegel's Realm of Shadows: Logic as Metaphysics in "The Science of Logic" / R.B. Pippin. Chicago: University of Chicago Press, 2019. 336 p.
11. Winfield R.D. Hegel and Mind: Rethinking Philosophical Psychology / R.D. Winfield. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 224 p.

References

1. Bibler, V.S. Philosophy. Science. Culture (On the 200th Anniversary of G.W.F. Hegel's "Phenomenology of Spirit") / V.S. Bibler // Voprosy filosofii. 2007. No. 5. P. 43–56.
2. Hegel, G.W.F. Philosophy of Law / Trans. from Germ.; ed. and compiled by D.A. Kerimov, V.S. Nersesyan; author of the introduction and notes by V.S. Nersesyan. – Moscow: Mysl', 1990. 524, [2], 1 p. port. (Philosophical Heritage; v. 113).
3. Hegel, G.W.F. Works of Different Years: in two volumes. Volume 1 / Ed. by A.V. Gulygi. Moscow: Mysl, 1970. (Series "Philosophical Heritage").
4. Hegel, G.V.F. Science of Logic: in 3 volumes. Volume 3: The Doctrine of the Concept (1816) / G.V.F. Hegel; trans. from German by B.G. Stolpner. Moscow: Mysl, 1972. 371 p.

5. *Hegel, G.V.F.* Phenomenology of Spirit / Trans. from German by G.G. Shpet; responsible. editor and notes by M.F. Bykova. Moscow: Nauka, 2000. 495 p. (Monuments of Philosophical Thought). ISBN 5 02 008380 1.
6. *Hegel, G.V.F.* Encyclopedia of Philosophical Sciences: in 3 volumes. Volume 1: Science of Logic / G.V.F. Hegel; trans. from Germ. B.G. Stolpner. Moscow: Mysl, 1974. 452 p.
7. *Ilyin, I.A.* Hegel's Philosophy as a Doctrine of the Concreteness of God and Man / I.A. Ilyin. St. Petersburg: Nauka, 1994. 541 p.
8. *Brencio F.* The "Passion" of Finitude. The Young Hegel as Post-Kantian // Hegel-Jahrbuch. 2017. № 1. С. 58–63. DOI: 10.1515/hgjb-2017-0111.
9. *Houlgate, S.* Hegel and the Philosophy of Nature / S. Houlgate // The Bloomsbury Companion to Hegel / Ed. by A. de Laurentiis, J. Edwards. – London: Bloomsbury Academic, 2013. P. 97–111.
10. *Pippin, R.B.* Hegel's Realm of Shadows: Logic as Metaphysics in "The Science of Logic" / R.B. Pippin. – Chicago: University of Chicago Press, 2019. 336 p.
11. *Winfield, R.D.* Hegel and Mind: Rethinking Philosophical Psychology / R.D. Winfield. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 224 p.

Информация об авторах

Краснов Антон Сергеевич – Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 1).
anton-krasnov1987@yandex.ru

Федотов Дмитрий Леонидович – Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 1).
dmilfedotov@kpfu.ru

Information about the authors

Krasnov, Anton Sergeevich – Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Kazan, Kremlevskaya St., 18, bldg. 1).
anton-krasnov1987@yandex.ru

Fedotov, Dmitry Leonidovich – Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Kazan, Kremlevskaya St., 18, bldg. 1).
dmilfedotov@kpfu.ru

Дата поступления 21.07.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.